

Никита Петров

Заместитель председателя Совета НИПЦ «Мемориал», доктор философии

«Польская операция» НКВД в контексте «Большого террора» 1937–38 гг.

Наибольший размах сталинских репрессий приходится на короткий период 1937–1938 годов. Это событие получило выразительное и точное название – «Большой террор». Об этом периоде советской истории написаны сотни книг, сняты кинофильмы, в той или иной степени отражающие ужасы политических чисток, массовых арестов и расправ. Внимание историков к событиям тех лет привлекает не только сам масштаб репрессий, затронувших миллионы людей, но и их направленность. В отличие от проводившихся ранее кампаний арестов или ссылок, нацеленных в тот или иной период на строго определенные категории населения, репрессии 1937–1938 гг. захватили все без исключения слои советского общества, структуры и учреждения государственного и партийного аппарата.

Внешние проявления массового террора 1937–1938 годов: аресты видных деятелей партии и государства, науки и культуры, многочисленные показательные процессы над «шпионами, заговорщиками и вредителями» – широко отражены в исторической литературе. Вместе с тем другая, скрытая сторона, когда сотни тысяч рядовых граждан были подвергнуты репрессиям на основе заданных сверху разрядок на аресты и расстрелы, до сих пор не может считаться достаточно изученной. Механизм и основная направленность массовых арестов впервые стали проясняться из опубликованных в 1992 г. документов Политбюро ЦК ВКП(б) о начале «генеральной чистки»¹.

Опубликованные к настоящему времени решения «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б) о проведении «массовой операции» против кулаков и антисоветских элементов, а также т. н. «национальных контингентов» в 1937–1938 гг. наглядно демонстрируют персональную роль Сталина, его ближайшего

окружения и верхушки НКВД в развязывании беспрецедентного по масштабам террора»². Направленность, механизм и количественные показатели первой массовой кампании арестов были заданы приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г.³ Отчасти, эта заранее спланированная операция массовых арестов и расстрелов «враждебных элементов» выглядела вполне традиционной в русле ранее проводившихся ОГПУ массовых кампаний осуждения и расстрелов крестьян в 1930–1931 гг. с помощью внесудебных органов – троек. Но тут же последовали новые направления массовых репрессий, возникшие тогда же, летом 1937 г., – т. н. «национальные операции» или репрессии против «национальных контингентов» (немцев, поляков, латышей и пр.)⁴. Их целью, как это формулировалось в документах Политбюро и НКВД, была ликвидация «шпионской базы иностранных разведок на территории СССР». Это были аресты выходцев из сопредельных СССР государств или лиц, связанных с ними (национальными, родственными и иными связями, либо пребыванием в этих государствах). Сам по себе идейный поворот от декларативного интернационализма к агрессивной ксенофобии был предопределен сталинским

1 Геворкян Н. Встречные планы по уничтожению собственного народа // Московские новости. 1992. 21 июня. № 25.

2 Марк Юнге, Геннадий Бордюгов, Рольф Биннер. Вертикаль большого террора. М., 2008.

3 Приказ НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. опубликован в факсимильном виде: Книга памяти жертв политических репрессий. Ульяновск, 1996. С. 766–780. Впервые публиковался с купюрами: Труд. 1992. 4 июня; Московские новости. 1992. 21 июня.

4 О них см. подробнее: Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М., 1997. С. 22–23; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 35–75; Охотин Н., Рогинский А. «Латышская операция» 1937–1938 годов: Архивные комментарии // 30 октября. № 4 (2000). С. 5.

видением политической ситуации – СССР представлялся ему «осажденной крепостью» в кольце внешних врагов. Это было логичным продолжением сталинской идеи о советской национально-государственной обособленности и строительстве социализма «в отдельно взятой стране».

Февральско-мартовский (1937) пленум ЦК ВКП(б) дал мощный импульс массовым репрессиям в СССР. Весь смысл и докладов, и выступлений в прениях на этом пленуме заключался в том, что страна, оказывается, наводнена «шпионами, диверсантами и вредителями», пролезшими на самые высокие посты. Ни до, ни после этого на пленумах ЦК партии никогда не обсуждались столь откровенно вопросы организации кадровой чистки и репрессий против партийно-государственного аппарата. Собственно, это единственный за всю историю существования коммунистической партии пленум, который был посвящен исключительно борьбе с «врагами». И работал этот пленум аномально долго – с 23 февраля до 5 марта 1937 г. На этом пленуме бывших партийных оппозиционеров обвинили в том, что уже с начала 1930-х годов они намеревались силой захватить власть, образовали общий блок «троцкистов», «зиновьевцев» и «правых», встали на путь террора и сотрудничества с «зарубежными фашистами». С программным докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» 3 марта на пленуме выступил Сталин. Он представил свое видение разворачивающегося террора и дал идеологическое обоснование необходимости репрессий. Пафос его выступления свелся к тому, что бывшие оппозиционеры давно превратились в «шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру германской полицейской охранки», а «капиталистическое окружение» – Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Турция и Япония при поддержке Франции и Великобритании – ставят целью сокрушение СССР и наводнили страну своей «агентурой». При этом, «руководящие товарищи в партии» оказались слишком «беспечными, благодушными и слепыми» и помогли иностранным агентам пробраться на высокие посты⁵.

Выступивший на этом пленуме Ежов говорил о неудовлетворительной работе НКВД и засевавших там врагах. Здесь он впервые публично поделился своей идеей о враждебной работе в НКВД чекистов-поляков. Постепенно «заговор ПОВ» в НКВД

обретал свои очертания⁶. В резолюции пленума работа НКВД была признана неудовлетворительной.

Прологом к грядущим репрессиям по национальному признаку стали аресты руководящих кадров внутри системы НКВД, развернувшиеся вскоре после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б). В ходе чистки от «неблагонадежных» кадров широко практиковались обвинения в шпионаже в пользу сопредельных с СССР «враждебных» держав. Логика этих репрессий неизбежно приводила их организаторов – Сталина и Ежова – к выводу о том, что не только НКВД, но и остальные важнейшие учреждения страны: армия, оборонные и хозяйственные наркоматы, да и все остальные сферы – наводнены иностранными шпионами.

То, что это так, видно из выступления заместителя наркома внутренних дел Фриновского, отправившегося в начале июня 1937 г. в Киев для организации масштабной чистки аппарата НКВД Украины. Выступая на собрании партийного актива чекистов Украины 21 июня 1937 г. он рассказал об арестах, прошедших к тому времени в центральном аппарате НКВД:

«За это время тов. Ежов и ряд работников, призванных вновь на оперативно-чекистскую работу в НКВД, и часть старых, быстро и крепко стали перестраиваться и внутри Наркомата Внутренних дел стали вскрывать всякую нечисть. В первую очередь был посажен Сосновский с группой поляков⁷. Их Фриновский назвал агентами Пилсудского. «Дальше пошли по линии вскрытия немецкой сети внутри Наркомата. Посадили Лурье, Станиславского, затем Воловича, Гая и других⁸. Фриновский отметил, что украинские чекисты держали себя обособленно, и это привело к снижению активности в деятельности

6 Показательно, что чистку аппарата НКВД Ежов начал с ареста в ноябре 1936 г. комиссара госбезопасности 3 ранга Игнатия Сосновского – заместителя начальника Саратовского УНКВД. Когда-то, в 1920 г., Сосновский был членом Польской военной организации (ПОВ), офицером 2 отдела Польского Генштаба (разведки). Он прибыл с разведывательным заданием в Советскую Россию, был схвачен чекистами и, позднее, перешел на службу в ВЧК. С ним перешли на работу в «органы» и несколько человек из его ближайшего окружения. Распропагандировал и взял их на службу в ЧК поляк Дзержинский. К середине 30-х эта группа поляков сделала карьеру и занимала видное положение в НКВД. Ежов взялся их разоблачать, первым делом, как агентов Пилсудского. Начальная волна арестов коснулась именно чекистов-поляков. Вскоре настала очередь немцев. И объяснялось это Ежовым как «разгром возможной базы иностранных разведок».

7 ЦА ФСБ Арх. следств. дело Фриновского, Н-15301. Т. 15. Л. 322.

8 Там же. Л. 323.

5 Сталин И. В. Сочинения. М., 1956. Т. 14. С. 190–194.

НКВД УССР. Но самое важное, о чем сказал Фриновский, произошло в мае 1937 г.⁹, когда «группа руководящих товарищей Наркомата имела возможность вести беседу с т. Сталиным по вопросу разведки и контрразведки». Сталин, по словам Фриновского, сказал, что «в разведке нас разбили»¹⁰.

На открывшемся в середине июля 1937 г. оперативном совещании НКВД, посвященном предстоящей операции против «кулаков и антисоветских элементов» (будущий приказ НКВД № 00447), где присутствовали начальники региональных НКВД, Ежов коснулся и вопросов будущих репрессий по национальному признаку. Как позднее на следствии показал С. Н. Миронов, совещание проводили Ежов и Фриновский. «Ежов дал общую оперативно-политическую директиву, а Фриновский уже в развитие ее прорабатывал с каждым начальником управления «оперативный лимит». Указания Ежова начались с угроз тем начальникам управлений НКВД, которые проявили «оперативную инертность», тогда как другие «уже взяли полный разбег по вскрытию контрреволюционных формирований внутри партии и вне ее»¹¹. Как вспоминал Миронов, Ежов впервые заявил и о предстоящих «национальных» операциях: «все должны подготовиться к массовым арестам по харбинцам, полякам, немцам, кулацко-белогвардейским группировкам и антисоветским группировкам внутри партии и в советском аппарате»¹².

Большой террор 1937–1938 годов имел в своей основе массовое применение пыток в ходе следствия. Для фальсификации дел, создания всевозможных «заговоров» и разветвленных «шпионских и диверсионно-террористических» организаций следователям НКВД как воздух были необходимы «признания» обвиняемых, они выступали единственным уличающим моментом. Ибо никаких других

доказательств существования всех этих липовых «вражеских» организаций не существовало.

Пытки были официально санкционированы и рекомендованы как метод ведения следствия в 1937-м. По воспоминаниям бывшего военного прокурора Афанасьева, у него на допросе в 1940-м бывший нарком внутренних дел Ежов рассказал, что именно Вышинский в мае 1937-го у Сталина в присутствии Ежова намекал на необходимость применения насилия, чтобы заставить Тухачевского признаться, и развивал «теорию» о непригодности гуманного обращения с врагами, дескать, царские жандармы с революционерами не церемонились... Сталин, по словам Ежова, своего мнения не высказал, а лишь бросил: «Ну, вы смотрите сами, а Тухачевского надо заставить говорить...»¹³. Признание у Тухачевского и других «военных заговорщиков» было вырвано. Последовали шумная газетная кампания, суд и расстрел. А Сталин уверовал в столь радикальный, но в то же время весьма действенный метод дознания. И вскоре практика выбивания показаний стала повсеместной. В июле 1937-го в Москве на совещании-инструктаже руководителей региональных НКВД в ходе подготовки массовых арестов нарком Ежов и его заместитель Фриновский прямо заявили чекистам, что они «могут применять и физические методы воздействия»¹⁴.

То, что разрешение на повсеместное применение пыток к арестованным было дано именно в 1937-м, подтверждается самим Сталиным. В январе 1939-го он специальной шифротелеграммой оповестил региональных руководителей партии и НКВД, что «применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)»¹⁵. Сталин, имея полный и единоличный контроль над госбезопасностью, в годы Большого террора не только задавал общее направление репрессий, но и определял квоты на расстрелы и осуждения в лагеря, а кроме того, непосредственно указывал наркому Ежову, кого арестовать, как вести следствие по конкретным делам, во многих случаях требовал применения жестоких избиений.

Сохранились собственноручные резолюции Сталина на поступавших к нему от Ежова протоколах допросов арестованных, в которых он требовал «бить». Например: 13 сентября 1937-го в письменном

9 Согласно дневнику посещений Сталина, эта встреча произошла 21 мая 1937 г. Сталин в присутствии Молотова, Кагановича, Ворошилова и Ежова беседовал на протяжении 2 часов 40 минут с 1-м заместителем наркома ВД М. П. Фриновским, начальником иностранного отдела ГУГБ НКВД А. А. Слуцким, начальником спецгруппы иностранного отдела Я. И. Серебрянским и сотрудниками Разведупра РККА Урицким, Никоновым и Александровским. См.: Исторический Архив. 1995. № 4. С. 53.

10 ЦА ФСБ. Арх. следств. дело Фриновского. № Н-15301. Т. 15. Л. 325.

11 ЦА ФСБ. АСД Фриновского. № Н-15301. Т. 7. Л. 33.

12 Там же, АСД Фриновского. № Н-15301. Т. 7. Л. 33–34. Запись выступления Сталина на этой встрече см.: Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2008. С. 290–293.

13 Ушаков Ю. А., Стукалов А. А. Фронт военных прокуроров. М., 2000. С. 71–72.

14 ЦА ФСБ. АСД Фриновского. № Н-15301. Т. 7. Л. 34–36

15 Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР СМЕРШ. 1939 – март 1946... М., 2006. С. 14–15.

указании Ежову Сталин требует: «Избить Уншлихта за то, что он не выдал агентов Польши по областям (Оренбург, Новосибирск и т.п.)», или 2 сентября 1938-го на сообщении Ежова о «вредительстве в резиновой промышленности» Сталин оставляет пометку: «NB. Вальтер (немец)» и «NB. (избить Вальтера)»¹⁶. Личная сталинская кровожадность зафиксирована и в его пометках «бить, бить» в опубликованных ныне так называемых расстрельных списках.

11 августа 1937 г., спустя два дня после одобрения Политбюро, Ежов подписал приказ НКВД № 00485 о ликвидации «польских диверсионных и шпионских групп» и организаций ПОВ (польск. POW, Polska Organizacja Wojskowa – Польская военная организация)¹⁷. Этот приказ констатировал, что материалы следствия по делу ПОВ «вскрывают картину долголетней и относительно безнаказанной шпионско-диверсионной работы польской разведки на территории Союза». Хотя центр ПОВ в Москве и был ликвидирован, и многие его активные члены арестованы, как утверждалось в приказе, польская разведывательная служба все еще имела шпионско-диверсионную сеть в советском народном хозяйстве, в частности на объектах оборонной промышленности. Долгом органов госбезопасности было пресечение этой «антисоветской» деятельности и «полная ликвидация незатронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки ПОВ и основных людских контингентов польской разведки в СССР»¹⁸.

В связи с этим было приказано начать с 20 августа «широкую операцию». Ее надлежало провести в течение трех месяцев – то есть до 20 ноября. Подлежали аресту военнопленные польской армии, оставшиеся после войны 1920 года в СССР, беженцы и политэмигранты из Польши, бывшие члены Польской социалистической партии и других «антисоветских» политических партий, а также польское население пограничных районов. Следствие должна была вести специальная группа оперативных сотрудников. И в этом случае арестованные разделялись на две категории: осужденные по первой категории подлежали расстрелу, по второй – заключению в тюрьмах или лагерях на срок от пяти до десяти лет. Для

этой цели на местах двойками (состоявшими из главы НКВД и прокурора) должны были быть составлены списки (в виде «альбомов») и представлены на утверждение в Москву. После утверждения Ежовым и прокурором СССР Вышинским «приговор должен быть приведен в исполнение немедленно»¹⁹.

Вместе с приказом начальники областных управлений НКВД получили подробное секретное письмо, также подписанное Ежовым, «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР». Это письмо, одобренное Политбюро, наряду с приказом № 00485, подтверждало выводы доклада Ежова на июньском (1937) пленуме. Оно итожило различные обвинения против поляков: шпионаж, диверсии, терроризм, вооруженный мятеж, антисоветская агитация. Как указывалось в письме, агенты ПОВ уже давно захватили руководство Польской коммунистической партией и польской секцией Коминтерна, а также проникли на все уровни советского государственного аппарата, включая наркомат иностранных дел, НКВД и Красную Армию; деятельность ПОВ на советской территории направлялась «Центром» во главе с Уншлихтом, Муклевичем, Ольским и др.²⁰

Позднее, во время допроса, сотрудник УНКВД по Московской области А. О. Постель показал, что приказ Ежова ими был понят как приказ на арест «абсолютно всех поляков, польских эмигрантов, бывших военнопленных, членов Польской коммунистической партии и др.»²¹. Затем Ежов добавил «имевших контакты с консульствами» в качестве еще одной категории для репрессий в польской операции²². Он имел в виду лиц, связанных с официальными польскими дипломатическими представителями в СССР. По аналогии с германской операцией, и польская операция, изначально направленная почти исключительно против поляков, трансформировалась в операцию по репрессированию всех неблагонадежных и подозрительных лиц, как-либо связанных с поляками и Польшей.

Механизм вынесения решений по делам арестованных в ходе «польской» и других национальных операций был внесудебный (то есть решения принимались в отсутствие обвиняемого). Эти внесудебные решения выносились Комиссией НКВД и Прокурора СССР. Для всех «национальных» операций

16 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2004. С. 352, 547.

17 АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254. Л. 85.

18 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 301–303.

19 Там же.

20 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 6. Л. 8–51.

21 Пятницкий В. Заговор против Сталина. М., 1998. С. 72–73.

22 ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 104. Л. 262–274.

НКВД «польская операция» стала модельной. Именно в приказе НКВД № 00485 был впервые определен порядок и механизм осуществления внесудебных расправ с помощью Комиссии НКВД и Прокурора СССР.

Первой жертвой массовых арестов по национальной линии стали немцы (приказ НКВД № 00439 от 25 июля 1937 г.). Следом были выпущены приказы и директивы о репрессиях против поляков (11 августа 1937 г.), «харбинцев» – бывших служащих Китайско-Восточной ж.д., членов их семей и связанных с ними лиц (20 сентября 1937 г.), латышей (30 ноября 1937 г.), несколько позднее, также различными директивами, циркулярами и указаниями, спущенными на места, были «узаконены» уже начавшиеся в конце 1937 г. репрессии против эстонцев, финнов, румын, турок, греков, афганцев, иранцев и представителей других национальностей сопредельных СССР государств. Репрессиям в ходе этих операций подверглись и представители народов СССР, те, кого подозревали в шпионаже в пользу той или иной зарубежной державы.

Механизм вынесения внесудебного решения в ходе «национальных» операций был определен приказом НКВД № 00485 от 11 августа 1937 г. (приказ о проведении «польской операции»). По окончании дела региональные НКВД-УНКВД составляли на каждого арестованного справку с предложением о приговоре. Эти справки, перепечатанные в виде списка и сформированные в альбомы, утверждались начальником УНКВД (наркомом внутренних дел) и прокурором – т. н. «двойкой» – и направлялись в Москву на окончательное рассмотрение Комиссией НКВД и Прокурора СССР (Ежова и Вышинского). Лишь после утверждения в Москве и возвращении альбомов на места приговоры могли быть исполнены. Этот порядок вынесения приговоров стали именовать «альбомным». Однако в ходе массовых арестов по «национальным» операциям 1937–1938 гг. поток направляемых в Москву на утверждение «альбомов» был столь велик, что их утверждение Ежов и Вышинский передоверили своим заместителям – М. П. Фриновскому и Г. К. Рогинскому. А уже весной 1938 г. в НКВД к работе по рассмотрению и утверждению «альбомов» был привлечен и ряд начальников отделов центрального аппарата НКВД – В. Е. Цесарский, И. И. Шапиро, А. М. Минаев-Цикановский и др. Но и расширенный состав «ответственных» лиц не был в состоянии рассмотреть быстро и в срок поступающие в центр «альбомы» со списками. К концу лета 1938 г. в НКВД СССР скопилось нерассмотренных

«альбомов» более чем на 100 тысяч арестованных в ходе «национальных» операций. Выход был найден, когда 15 сентября 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение передать эти «альбомы» на места, на рассмотрение специально для этих целей организованных «Особых троек».

Уже в ходе проведения «польской операции» Ежов специальным указанием от 2 октября 1937 г. распространил репрессии и на членов семей лиц, арестованных по приказам № 00485 («польская операция») и № 00593 от 20 сентября 1937 г. («харбинская операция» против персонала Китайско-Восточной ж. д., реэмигрировавшего из Маньчжурии в СССР). Еще 15 августа 1937 г. был издан приказ НКВД № 00486 «О репрессировании жен изменников родины, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных Военной коллегией и военными трибуналами»²³. Согласно этому приказу, аресту подлежали все жены осужденных, вне зависимости от причастности к «контрреволюционной деятельности», и их дети старше 15-летнего возраста, если они были признаны «социально опасными и способными к антисоветским действиям» (дети младше 15 лет сдавались в детдома)²⁴. Однако число членов семей оказалось столь велико, что 21 ноября Ежов принял решение – в ходе проведения «польской» и «харбинской» операций ограничиться высылкой жен²⁵. Интересно, что в ходе других «национальных операций» против латышей, эстонцев, финнов, румын, греков, афганцев, иранцев и др. приказ НКВД № 00486 (о репрессиях против родственников) не применялся. Также он не применялся в операции против кулаков по приказу НКВД № 00447.

Польскую операцию надлежало завершить до 20 ноября 1937 г., но в начале ноября местные органы НКВД получили приказы ускорить свою работу и завершить ее до 10 декабря²⁶. Когда и с этим не получилось, срок был продлен до 1 января 1938²⁷. А 31 января Политбюро разрешило НКВД продлить операцию «по уничтожению диверсантов и шпионов» среди поляков, а также латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын до 15 апреля и в то же время приказало

23 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 366–368.

24 Там же.

25 Петров Н. В., Рогинский А. Б. Польская операция НКВД... С. 26.

26 Шифровка НКВД № 49721, 3 ноября 1937 г. (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 150. Л. 247–248).

27 Телеграмма НКВД № 50194 от 11 декабря 1937 г. (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3. Л. 81).

распространить операцию на болгар и македонцев²⁸. И в этом случае дату окончания пришлось сдвигать: 26 мая Политбюро разрешило НКВД продлить до 1 августа операцию в отношении всех вышеназванных национальностей, к которым добавились еще и афганцы²⁹. Через два дня НКВД передал это решение своим местным органам, добавив, что дела должны рассматриваться в «упрощенном (альбомном) порядке»³⁰.

В национальных операциях лимиты не устанавливались; начальники областных управлений НКВД получили полную свободу действий. В результате людей арестовывали без разбора и в массовом порядке. При этом органы НКВД получали полную поддержку региональных партийных лидеров. Так, первый секретарь Красноярского крайкома С. М. Соболев, выступая на оперативных совещаниях УНКВД, заявлял: «Довольно играть в интернационализм, надо бить всех этих поляков, корейцев, латышей, немцев и т. д., все это продажные нации, подлежащие истреблению... Всех националов надо ловить, ставить на колени и истреблять как бешеных собак». После падения Ежова парторганизация УНКВД осудила Соболева, посчитав, что «давая такие указания, Соболев клеветал на ЦК ВКП(б) и тов. Сталина, говоря, что он такие указания имеет от ЦК ВКП(б) и лично от тов. Сталина»³¹.

Всего в период с августа 1937 по сентябрь 1938 г. решениями Комиссии НКВД и Прокурора СССР было осуждено 235.122 человека, из них 172.830 было приговорено к расстрелу.

Альбомная процедура вызвала множество задержек, главным образом, из-за неспособности центрального аппарата НКВД в Москве справиться с потоком дел, и 15 сентября 1938 г. Политбюро приняло решение отменить «альбомный порядок» осуждения и создать в каждом регионе специально для вынесения приговоров по «нацконтингентам» (то есть по всем нерассмотренным альбомам) Особые тройки³².

Национальные операции были завершены к середине ноября 1938 года. В итоге через эти операции прошли почти 350 тысяч человек; 247.157 из них были осуждены к высшей мере, 88.356 получили тюремные и лагерные сроки³³. В ходе одной польской операции 144 тысячи человек были арестованы – более 111 тысяч из них были осуждены по первой категории и почти 29 тысяч по второй³⁴. Почти вся польская секция Коминтерна была уничтожена, а в Польской коммунистической партии 46 членов ЦК и 24 кандидата в члены ЦК были расстреляны³⁵. В августе 1938 г. Польская коммунистическая партия была официально распущена Исполкомом Коминтерна³⁶. В греческой, финской и эстонской операциях процент приговоренных к высшей мере был даже выше, но в афганской и иранской операциях большинство арестованных было депортировано³⁷. ■

28 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 468–469.

29 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 538.

30 РГАНИ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 4. Л. 33.

31 ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 6. Д. 93. Л. 6–7.

32 Петров Н. В., Рогинский А. Б. Польская операция НКВД... С. 30–31; Московские новости. 1992. № 25.

33 Петров Н. В., Рогинский А. Б. Польская операция НКВД... С. 33.

34 Там же, С. 33, 40.

35 Paczkowski A., Pologne, la "nation-ennemi"... p. 399–400.

36 Пантелеев М. М. Репрессии в Коминтерне... С. 163.

37 Петров Н. В., Рогинский А. Б. Польская операция НКВД... С. 33.